

ВОЛНА

Утес возвышался на двести футов. Скошенный выступ его нависал от самой вершины, где под слоем травы обнажался срез бурого гравия, венчавшего сто семьдесят футов серого известняка — нагромождение гигантских плит, в расщелинах которых гнездились морские птицы. Футах в двадцати от подножья стена утеса плавно уходила внутрь, открывая чернеющий провал куда-то в самые недра земли. Грот, просторный у входа, в глубину становился все уже и уже, пока его свод, выстланный черным сланцем с полосой желтого галечника понизу, не касался, наконец, плоской плиты, служившей утесу основанием и соединявшей его с морем.

В море утес вдавался полукругом. По обоим краям от него из воды выступали черные зубчатые рифы. Между ними образовалась маленькая бухта, но море все равно не могло достать утес. Лишь редкие волны, исторгнутые пучиной, прокатывались по плоскому камню, чтобы лизнуть основание скалы. За тысячи лет они только и смогли, что вылизать в ней грот.

Прилив уже почти поднялся, но море бурлило так, что, откатываясь, оголяло рифы, и те становились похожи на черные, отливающие сталью стволы деревьев, затопленных в океане. Каждая отхлынувшая волна жадно всасывала в себя их густые кроны из красных водорослей. Вернувшись обратно, волны переваливали с двух сторон через рифы в бухту, удивлялись, встречаясь на полпути к берегу, и тут же наперегонки устремлялись к нему, вскарабкиваясь друг другу на спины, громыхая и сталкиваясь вздыбленными гривами, яростно выплевывая вверх столбы зеленой и белой воды. Одним броском они перемахивали плоский камень, по дороге издавая утробный рев, и с грохотом разбивались об утес. Всклокоченная пеннистая масса опадала,

отступала назад, на океанское дно, но лишь затем, чтобы возвращаться снова и снова, как дыхание ненасытного великана.

Когда прилив достиг высшей точки, все будто остановилось. Волны почти бесшумно ударились о скалу и медленно откатились. Вода в котловине между рифами мелко задрожала, точно в трясущемся стакане. Внезапно воцарилось такое безмолвие, что стало слышно, как по черному намокшему лицу утеса слезами стекают струйки воды.

Тишина была недолгой. Молниеносно, как лопнувший пузырь, море отпрянуло назад и стало нарастать между рифами огромной вогнутой стеной, а сквозь тоненький слой воды, оставленный в бухте этой яростно восходящей волной, проступили во всей наготе склизкие донные водоросли.

Какую-то секунду волна стояла неподвижно — огромная, восхитительно дикая. Россыпи белой пены, словно обломки породы у подножья только что возведенной пирамиды, прикрывали ее основание спереди. Потом поперек волны пробежала иссиня черная полоса, задавая вздыбленной зелено-белой воде совершенный изгиб. Верхушка волны выгнулась, будто шея разгневанного лебедя, а сзади ее, изумрудную, с молочно-белой каймой, прозрачную на сажень в глубину, подпирали тысячетонные водяные бугры.

Медленно рокочущая волна покатила вперед. Водяная глыба наступала всей своей массой, гладкая, как стена льда. Ее гребень, протянувшийся от рифа до рифа, оставался незыблем, но за ним развевался пенный шлейф, уносимый назад, на запад, и опадавший среди мрачных валов, что толкали волну к утесу. Только что такой неприступный, теперь он, казалось, съежился перед надвигающейся стеной трехцветной воды.

Раздался оглушительный рев. Волна встала во весь свой рост. Ее гребень надломился, словно склоняя голову перед броском, обнажил кривые

водяные клыки и ринулся на таран утеса. И волну, и утес моментально поглотил хаос — грохот и шипение белой воды, облако пены, от которой на секунду затмило небо. Но уже через мгновение волна разлетелась тысячами водяных осколков и осыпалась в море. И вновь показался утес.

Однако теперь, прямо над гротом, открылась чернеющая десятифутовая пасть. Усталый утес словно зевал после битвы. Зевнув, он попытался сомкнуть челюсти, но ничего не вышло. Вместо этого его щеки вдруг ввалились внутрь, а рот стал еще шире. Вся центральная часть скалы от самой вершины разом ослабла и качнулась вперед, как подрубленное дерево. Нарастающий звук был подобен раскату грома. Сквозь еще опадающую водяную пену дрогнувший утес выбросил облако черной взвеси. Затем неожиданно мягко его центр осел внутрь грота. Следом обрушились боковые склоны. Серая стена каменной пыли заслонила собой все. Выпустив наружу чудовищный грохот обвала, какое-то время она еще клубилась, пока ветер не начал сносить пелену вглубь острова.

Утеса больше не было. Берег полого спускался к морю. По самому краю плоской плиты нелепо торчали останцы, вокруг которых играл прибой. Лишь легкая дымка напоминала об исчезнувшем утесе. И о волне. Вот только новая волна уже опять собиралась в бухте.